

ЛИТЕРАТУРА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ НАУКЕ

В предыдущем обзоре «Изучение литературы Петровской эпохи за последнее десятилетие» мы уже рассматривали ряд актуальных проблем, связанных с изучением литературы Петровского времени в современной науке.¹

Литература Петровской эпохи принадлежит новому времени, XVIII веку. Поэтому было бы неверно рассматривать ее как часть древней русской литературы.² От русской литературы XVII века и от древнерусской литературы конца X—XVI веков ее отличает тесная связь литературных явлений с петровскими преобразованиями во всех областях — политической, экономической и культурной. Резкая грань, положенная в истории России петровскими реформами, сказалась и на развитии литературы, чье движение вперед стало ускоренным, всеобщим, полным. Немалую роль в истории литературы стали играть интенсивные международные связи Русского государства, так как выход России на широкий простор европейской политики привел к расширению контактных связей литературы и взаимобмену с европейскими литературами. «Новые идеи», идеи «просвещенного абсолютизма» Петра I, сопутствовавшие появлению «новых вещей» в России, существенно обогатили отечественную литературу, повысили ее общественную роль, гражданственность, злободневность. Освобожденная от средневековой церковной идеологии, литература Петровского времени превратилась в мощную силу, влияющую на судьбы нации. Национально-патриотическая символизация государственных идей достигла в Петровскую эпоху такой высоты, какой не знало русское Средневековье за всю его историю. Это проявилось в невиданном прежде стремлении к свободному творчеству во всех жанрах, в стремлении к обновлению языка и преодолению диглоссии путем создания универсального русского литературного языка. Дальнейшая индивидуализация писательских стилей, приспособляемых ко всему нарождающемуся новому, сыграла значительную роль в становлении новой русской литературы и появлении недюжинных, самобытных писательских талантов с Феофаном Прокоповичем во главе.

Великого Петра дел славных
проповедник,
Витийством Златоуст, муз чистых
собеседник,
Историк, богослов, мудрец российских
стран —
Таков был пастырь стад словесных
Феофан, —

так писал о нем поэт В. И. Майков в 1777 году.³

Г. Н. Моисеева во введении к своей монографии «Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли XVIII века» справедливо пишет следующее: «Творчество Феофана Прокоповича — писателя, публициста и теоретика литературы — до настоящего времени не получило еще всесторонней оценки. Курс „Поэтики“, написанный им в 1705 г. и прочитанный студентам Киево-Могилянской академии, является „первым значительным памятником русской теории поэзии“. В вопросе о вымысле как способе обобщения действительности, в характеристике жанров, родов литературы и их стилистического воплощения он близко подошел к теоретическим основам классицизма, учитывая при этом лучшие достижения искусства поэзии барокко (в произведениях Торквато Тассо и Яна Кохановского). Если можно характеризовать эпоху, называя писателя, в творчестве которого она нашла наиболее полное выражение, то для начала XVIII в. нужно назвать именно Феофана Прокоповича. В его трудах оказались протянутыми нити от древнерусской литературы к литературе нового времени, от средневековой религиозной идеологии к раннему Просветительству. Связи эти были еще очень слабы, но они дали стимул для развития новых качеств русской литературы, получивших выражение в творчестве Ломоносова и Сумарокова — основоположников русского классицизма».⁴ Внимание к творчеству Прокоповича не случайно. Исследованию творческого пути Феофана была посвящена кандидатская диссертация гродненской исследовательницы Т. Е. Автухович, недавно защищенная в Пушкинском Доме.⁵ Трехтомное издание философских

³ Майков В. И. Избранные произведения. Л., 1966, с. 284—285. (Библиотека поэта, большая серия).

⁴ Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980, с. 16—17.

⁵ Автухович Т. Е. Литературное творчество Феофана Прокоповича. Автореф. канд. дис. Л., 1981.

¹ Русская литература, 1980, № 4, с. 208—225.

² См.: История русской литературы в 4-х т., т. I. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980, с. 408—445.

сочинений Феофана Прокоповича, выпущенное Институтом философии АН УССР, — крупное событие в нашей науке.⁶ Особый интерес для литературоведов представляет первый том с «Риторикой», изданной, к сожалению, в сокращении, без девятой книги, содержащей описание тропов и фигур красноречия; этот пропуск обесценивает издание. Интерес представляет и третий том, в котором содержатся избранные письма и некоторые исторические труды Феофана («Собрание от летописателей» и «Резистр государей российских»), а также его вирши («Похвала Днепру», «Польский кант», «Жарт про Венеру» и др.). Подготовка полного комментированного издания сочинений Феофана Прокоповича — одна из актуальных задач современной науки о литературе.

Я. А. Матвишин написал общий очерк о Феофане, а Л. Л. Кутина охарактеризовала язык и стиль его сочинений;⁷ основная новейшая литература о Феофане указана в нашем предыдущем обзоре.⁸

Гавриил Бужинский, придворный проповедник, префект Синодальной типографии и переводчик, принадлежал к «ученой дружине» Феофана. Общий очерк его жизни и деятельности написан В. М. Ничик.⁹ О Бужинском-писателе, чьи приемы работы над составлением 16-й редакции Жития Александра Невского восходили к древнерусской литературе, сообщил Ю. К. Бегунов.¹⁰

Стефан Яворский, местоблюститель патриаршего престола и протектор Московской духовной академии, был видным проповедником и поэтом. Важное замечание о нем имеется в интересной работе А. М. Панченко «Переход от древней

русской литературы к новой».¹¹ «Я намерен, — заявляет исследователь, — взглянуть на переходный период в ценностном плане, в плане столкновения и смены культурных ценностей. Известная истина, согласно которой история литературы есть не только история достижений, но также история потерь, — эта истина, к сожалению, чаще всего лишь прокламируется, становясь красивым, но бесплотным тризмом, и никак не учитывается в историко-литературных построениях».¹² А. М. Панченко здесь имеет в виду едва уловимый «дух эпохи», ее «ментальность». Под знаком «ментальности» проходит творчество всех выдающихся мыслителей времени, в том числе и Стефана Яворского. О нем как стороннике петровских преобразований написали украинские исследователи И. С. Захара и В. Д. Литвинов.¹³ В центре их внимания философские сочинения Стефана Яворского, отрывки из которых издаются ими в переводе с латинского на украинский язык. И. С. Захара принадлежит также интересный разбор философских воззрений Стефана Яворского.¹⁴ А. А. Морозов изучает метафору и аллегорию в его проповедях.¹⁵ Кстати сказать, сочинения придворного проповедника Петровской эпохи, опубликованные в начале XIX века (Проповеди блаженные памяти Стефана Яворского,

¹¹ Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой. — В кн.: Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980, с. 125—148. К ней примыкает другая работа того же автора: Панченко А. М. История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко. — ТОДРЛ, т. XXXIV, 1979, с. 189—199.

¹² Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой, с. 126.

¹³ Захара И. С., Литвинов В. Д. Философія в Клево-Могиллянській академії. Стефан Яворський. — Філософська думка, 1971, № 3, с. 95—107. В таком же духе о Стефане Яворском как о представителе теократической настроенного духовенства, возражавшего не против реформ Петра I, а против его политики по отношению к церкви, писал американец Юрий Шерех. См.: Serch J. Stefan Javorsky and the conflict of the ideologies in the age of Peter. — Slavonic and east european review, London, 1951, vol. 30, No 74, p. 40—62.

¹⁴ Захара И. С. 1) Курс психології Стефана Яворського. — В кн.: Від Вишньєського до Сковороди. Кіїв, 1972, с. 88—96; 2) Філософське взгляды Стефана Яворського. Автореферат канд. дис. Кіїв, 1977.

¹⁵ Морозов А. А. Метафора в аллегории у Стефана Яворського. — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В. В. Виноградова. Л., 1971, с. 35—44.

⁶ Феофан Прокопович. Філософські твори в трьох томах. Переклад з латинської мови. Київ, 1979—1981. См. рец.: Буланіна Т. В. Первое издание «Риторик» Феофана Прокоповича. — Русская литература, 1980, № 3, с. 230—232.

⁷ Матвишин Я. А. Феофан Прокопович. — В кн.: Киевские математики-педагоги. Киев, 1979; Кутина Л. Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа. — В кн.: Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981, с. 7—46.

⁸ Бегунов Ю. К. Изучение литературы Петровской эпохи за последнее десятилетие, с. 216—218.

⁹ Ничик В. М. Гавриил Бужинский — русско-украинский мыслитель начала XVIII в. — В кн.: Идеиные связи прогрессивных мыслителей братских народов (XVII—XVIII вв.). Киев, 1978, с. 95—115.

¹⁰ Бегунов Ю. К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском. — ТОДРЛ, т. XXVI, 1971, с. 72—84.

ч. 1—3. М., 1804—1805), с тех пор не переиздавались, они и по сей день не имеют научного, основанного на рукописях издания, в котором так нуждается современное литературоведение.

А. М. Панченко, характеризуя литературу и искусство Петровской эпохи как «окациональные» (термин Юлиуша Хрошицкого), в одной из своих последних работ пишет: «Искусство стало фейерверком, ослепительной и красивой, но мгновенной вспышкой, которая тут же гасла. Тогда думали, что настоящее искусство — в будущем. Средневековью с его ориентацией на вечность, на прошлое была одновременно присуща любовь к настоящему, к земной реальности. Петровская эпоха, начертывая на своем знамени лозунг полезности, нетерпящая к созерцанию и богословствованию, — это, в сущности, эпоха мечтателей».¹⁶

Одним из таких мечтателей был публицист Иван Посошков, человек трудной и необычной судьбы. Ему принадлежит трактат «О скудости и богатстве» (1724), критикующий отрицательные стороны реформ. Книга была опубликована только через сто лет, но еще при жизни ее автора возбудила множество разговоров и толков; ее автор был заключен в тюрьму, где и погиб (1726). Подробный и содержательный анализ взглядов Посошкова принадлежит иркутскому исследователю Л. А. Петрову.¹⁷ Он отмечает, что Посошков, участник кружка Авраамия, не был противником петровских реформ и должен считаться одним из передовых мыслителей своего времени. Краткую характеристику деятельности И. Т. Посошкова как решительного противника новой светской культуры дал В. И. Краснобаев.¹⁸ Удивительной натяжкой страдает работа английского исследователя Л. Р. Левиттера: идеи Посошкова были идеями русского буржуа.¹⁹

Ораторская проза

Ораторская проза в двух ее жанровых разновидностях — учительной проповеди и торжественных словах — была ведущим жанром литературы Петровской эпохи. Н. Д. Кочеткова устанавливает

основные темы и аспекты ораторской прозы Феофана Прокоповича и исследует зависимость стиля его произведений от риторической теории, не привлекая основной труд писателя — «Риторикку» (1706).²⁰ Вместо «Риторикки» — обращение к «Краткому руководству к риторике» (1743) Ломоносова и к сочинениям Сумарокова, в которых оба последних дают хвалебные отзывы о Феофане. «Решительный противник „великолепия“, — заключает Н. Д. Кочеткова, — Феофан был ближе Сумарокову, чем Ломоносову».²¹ Своим исследованием Н. Д. Кочеткова продолжает линию, ранее намечившуюся в трудах А. Н. Соколова, Р. Лужного, Л. И. Кулаковой, В. П. Вомперского, А. А. Смирнова, которые рассматривали Феофана в ряду писателей предклассицизма.

В. П. Гребенюк посвятил панегирической литературе Петровского времени целую книгу.²² Во вступительной статье «Панегирические произведения первой четверти XVIII в. и их связь с петровскими преобразованиями» (с. 5—38), коснувшись истории панегирика как литературного жанра на Руси, автор констатирует, что «в Петровское время панегирическая литература приобретает качественно новое значение: общественно-политическая и патриотическая направленность ее стала действенным орудием пропаганды реформ и устремлений Петра I, идеологического обоснования разумности и необходимости для страны всех его преобразований».²³ Это, естественно, сказалось и на художественной форме панегириков. К последним относятся не только похвальные слова в речи, но и описания триумфальных врат и программы панегирических пьес. В. П. Гребенюк далее кратко останавливается на деятельности таких проповедников, как Феофан Прокопович, Гавриил Бужинский, Стефан Яворский, Феофилакт Лопатинский. Специальный раздел книги посвящен «Обзору произведений панегирического содержания первой четверти XVIII в.» (с. 39—132). Всего обстоятельно описано 49 панегирических произведе-

¹⁶ Панченко А. М. История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко, с. 199.

¹⁷ Петров Л. А. Общественно-политическая и философская мысль России первой половины XVIII века. Иркутск, 1975, с. 36—40, 44—217 по гл. V.

¹⁸ Краснобаев В. И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1972, с. 11—14.

¹⁹ Lewitter L. R. Ivan Tikhomirovich Pososhkov (1652—1726) and «The spirit of capitalism». — Slavonic and east european review, London, 1973, vol. 51, № 125, p. 524—553.

²⁰ Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма. — В кн.: XVIII век, сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974, с. 50—80. Проповедям Феофана была посвящена диссертация американки Ольги Делла Кава (См.: Della Cava O. T. Sermons of Feofan Prokhorovi: themes and style. PhD., Columbia university, New York, 1972).

²¹ Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма, с. 60.

²² Панегирическая литература Петровского времени. Изд. подг. В. П. Гребенюк. М., 1979.

²³ Там же, с. 10—11.

ний, из них 12 переиздаются в разделе «Тексты» (с. 135—300). Это серьезный вклад в будущее более широкое изучение ораторской прозы Петровского времени.

Термин «панегирическая литература» В. П. Гребенюк толкует весьма широко, однако отбор несколько субъективен и за пределами книги остаются жития (например, «Спасахсарь» Гавриила Бужинского), службы, ектеньи, последования церковного пения, гравюры Петровского времени и листовки-конклюдии, а также рукописные панегирики Петровского времени, в том числе многочисленные сочинения Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского, Стефана Яворского, Феофилакта Лопатинского и др. 49 панегирических произведений это едва ли пятая часть всего, что дошло до нас в рукописной традиции, а ею В. П. Гребенюк не занимается. Осталось неперезданным очень интересное ораторское произведение 1717 года — «Слово в похвалу Санкт-петербурга и его основателя государя императора Петра Великого» Гавриила Бужинского. На грани изобразительного искусства и литературы находятся петровские «конклюдии». Это тезисы или схоластические панегирики в лицах, это и программы диспутов слушателей духовных академий и программы школьных драм.²⁴ Некоторым стилистическим и композиционным особенностям киевских проповедей Феофана посвятила свою работу Т. Е. Автухович.²⁵

Петровскую тему в ораторской прозе начала 1740-х годов проследила В. В. Почетная.²⁶

Виршевое стихотворство

Виршевое стихотворство Петровской эпохи было продолжением силлабика западнического толка второй половины XVII века. Во вступительной статье к изданному «Библиотекой поэта» сборнику «Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.» (Л., 1970) А. М. Панченко дал сжатую, но точную характеристику стихотворства Петровской эпохи. Вирши пишут все: и черниговский архиепиеей Иоанн Максимович («Богородице дево» с 24 000 стихов. Чернигов, 1707), и учитель Леонтий Магницкий («Арифметика»,

1703), и старообрядцы Андрей и Семен Денисовы, и поэты из народа, и придворные витии Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Двое последних осознают, что поэзия и стихотворство — разные вещи. И если Яворский — новолатинский поэт (см., например, его «Элегию к библиотеке»), то Прокопович принадлежит к новой эпохе развития литературы, и его сближает с классиками только общая для всех метрическая система (см., например, его поэму «Епиникион»). А. М. Панченко справедливо отмечает обилие предшественниц оды — книжных панегирических песен в Петровскую эпоху (до 60 по разысканиям А. В. Позднеева). В комментарии каждому из поэтов посвящена краткая вступительная статья, сообщающая минимум необходимых сведений о нем. Чрезвычайной ценностью обладает текстовая часть книги, содержащая издание наиболее значительных стихотворных произведений переходного периода, и в том числе поэтические произведения Димитрия Ростовского, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, выголексинских старообрядцев и анонимных авторов. Среди издаваемых текстов нет, к сожалению, «Винограда Российского». А. М. Панченко в заключении к своей книге «Русская стихотворная культура XVII века» (Л., 1973) отмечает главную черту нового периода — «превращение писателя в частное лицо, не связанное „христианской свободой“» (с. 241). Литература перестает выполнять только практические функции, она должна и развлекать. В этом был смысл того переворота в литературном быту, который произошел при Петре I. Расцветают такие поэтические жанры, как элегия (Виллим Монс, Егор Столетов, Феофан Прокопович) и стихотворный панегирик, весьма близкий к проповеди (Стефан Яворский, Феофан Прокопович). «Если же прилагать к силлабике мерки поэтик, — пишет А. М. Панченко, — тогда окажется, что используемые жанры почти без исключений укладываются в разряд так называемых „силлов“ (silva). Это — стихотворения небольшого размера, которые сочинялись по конкретному поводу, „на случай“. Победа и возвращение из путешествия, брак, рождение ребенка, смерть и погребение — вот что было предметом сплывий» (с. 240). Пемедкий учитель Иоганн Вернер Паузе и пастор Глюк не чуждались этой традиции. Современный английский литературовед Г. С. Смит считает, вопреки В. Н. Перетцу, что их поэзия не повлияла на русскую версификацию.²⁷ Ему как бы возражает Г. Н. Моисеева, публикуя одно неизвестное стихотворение

²⁴ Алексеева М. А. Жанр конклюдий в русском искусстве конца XVII—начала XVIII в. — В кн.: Русское искусство барокко. Материалы и исследования. Отв. ред. Т. В. Алексеева. М., 1977, с. 7—29.

²⁵ В кн.: Весник Беларускага універсітэта, 1979, сер. 4, філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, № 3, с. 11—16.

²⁶ В кн.: XVIII век, сб. 9, с. 331—337.

²⁷ Smith G. S. The contribution of Glück and Paus to the development of Russian versification: the evidence of rhyme and stanza forms. — Slavonic and east european review, London, 1973, vol. 51, № 122, p. 22—35.

Паузе.²⁸ В числе новонайденных текстов — стихотворения «Красным и пригожим вдовушкам и девицам» и «Послдование российских орлов. Соннет». Исследовательница считает, что опыты Паузе «в сложении русских тонических стихов отразили тот период в становлении литературы, когда литературные формы еще только вырабатывались. Но они сыграли свою роль в подготовке реформы русского стиха, осуществленной В. К. Тредиаковским в 1735 г.» (с. 222). Открытием неизвестной поэтессы Петровского времени завершились исследования А. В. Позднеева.²⁹ Еще выше ста лет тому назад историк М. И. Семенов обнаружил в архиве Виллима Монса несколько книжных песен, посчитав их виршами самого Монса. В рукописных отделах библиотек и архивохранилищах А. В. Позднееву удалось обнаружить 29 списков песни «Ах, свет мой гор'ки». Судя по тексту, эта песня была написана женщиной, талантливой поэтессой. В старейших сборниках светских книжных песен им обнаружено до 70 песен, сочиненных женщинами, из них 22 московских исследователь атрибутирует «неизвестной поэтессе Петровского времени», в приложении к статье их тексты издаются по рукописям с разночтениями (с. 292—307).

А. А. Илюшин в интересной статье «Силлабическая система в истории русского стиха»³⁰ дал краткий очерк русской силлабической поэзии, существовавшей с середины XVII по середину XVIII века. Он не соглашается с мнением А. М. Панченко «касательно характера развития русской силлабики»,³¹ в том числе и в Петровскую эпоху. «Кроме Медведева, Истомина, Белобоцкого, — пишет

А. А. Илюшин, — в конце XVII в. активно работали и другие поэты-силлабисты, хорошо знавшие свое дело. Некоторые из них творили и в начале XVIII в. — время, которое считается самым „дептературным“ в истории русской литературы, но которое тем не менее не прошло для нее бесследно. Поток силлабики не иссякал. Он влился в расцветшую при Петре I школьную стихотворную драматургию, обслуживая жанр панегирической песни, а главное — та щедрая дань, которую отдали силлабике крупнейшие поэты эпохи: Феофан Прокопович, Кантемир и молодой («дореформенный») Тредиаковский.³² «Настоящие силлабические октавы, отвечающие духу италяно-польской просодии» у нас писал Феофан Прокопович. Причиной падения силлабики и ее отмены реформой В. К. Тредиаковского (1735) А. А. Илюшин не без основания считает крупные ритмические недостатки силлабики и, добавим, ее несоответствия духу формирующегося русского литературного языка.

Стихотворству Феофана Прокоповича посвящена рукопись Т. Е. Автухович, депонированная в 1979 году ИНИОН АН СССР (за № 4398). О месте и функции эпиграмы в латиноязычной поэзии Феофана написала Ф. И. Луцкая.³³

Н. В. Поньрко опубликовала шесть стихотворных произведений старообрядческих поэтов Выго-лексинского общезжителства;³⁴ несколько раньше вирши Семена Денисова к «Винограду Российскому» были напечатаны в Англии Д. Салливеном и Ч. Л. Дрейджером.³⁵ Неизвестные стихи на смерть Петра I, напечатанные в Голландии на русском языке в 1725 году, опубликовали С. Р. Долгова и Е. П. Подъяпольская.³⁶ Неизвестные канты, среди которых немало произведений Петровского времени, издали по одному рукописному сборнику 1733 года английские исследователи А. Макмиллин и Ч. Л. Дрейджер.³⁷

²⁸ Моисеева Г. Н. Неизвестные стихотворения Иоганна Вернера Паузе. — В кн.: Сравнительное изучение литературы. Сб. статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976, с. 219—222.

²⁹ Позднеев А. В. Неизвестная поэтесса Петровского времени. — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1971, с. 277—307. Содержательные исследования А. В. Позднеева о книжной песне XVII—XVIII веков публиковались в 1950—1970-е годы на страницах ТОДРЛ, Учен. зап. МГПИ, «Československá rusistika», «Revue des études slaves», «Zeitschrift für Slawistik», во многих сборниках. В полном виде ценная докторская диссертация А. В. Позднеева, к сожалению, осталась неизданной.

³⁰ Илюшин А. А. Силлабическая система в истории русского стиха. — В кн.: Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979, с. 316—334.

³¹ Речь идет об оценке творчества поэтов: Германа, Симеона Полоцкого, Медведева, Истомина, Белобоцкого.

³² Илюшин А. А. Силлабическая система в истории русского стиха, с. 332—333.

³³ В кн.: Иноземна филология, вип. 55, питання класичної філології, № 16, Львів, 1979, с. 104—112.

³⁴ Поньрко Н. В. Выговское силлабическое стихотворство. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 274—290.

³⁵ Sullivan J., Drage Ch. L. Poems in an unpublished manuscript of the Vinograd Rossijskij. — In: Oxford slavonic papers, Oxford, 1968, vol. 1 (new series), p. 27—48.

³⁶ Долгова С. Р., Подъяпольская Е. П. Неизвестные стихи на смерть Петра I. — В кн.: XVIII век, сб. 9, с. 296—299.

³⁷ Mcmillin A., Drage Ch. L. «Kuranty»: an unpublished Russian song-book of 1733. — In: Oxford slavonic papers, Oxford, 1970, vol. 3 (new series), p. 1—31.

Итак, изучение синтаксиса конца XVII—начала XVIII века вступило в решающую фазу, т. к. ее изучение идет бок о бок с исследованием других литературных жанров и «стиля эпохи». Накапливается материал для обобщений, на очереди — новые открытия и публикации источников.

Драматургия

Новые широкие перспективы в изучении истории ранней русской драматургии открывает пятитомное издание памятников в серии «Ранняя русская драматургия (XVII—первая половина XVIII в.)» (1972—1976).³⁸ Четыре тома из пяти содержат пьесы первой половины XVIII века. Это самый полный сводный корпус почти всех произведений ранней русской драматургии, насчитывающий около 140 названий. К сожалению, пропущена трагедокомедия Феофана Прокоповича «Владимир». Хотя последняя и была написана украинцем на Украине, в Киеве, в 1705 году, она традиционно рассматривается и в истории украинской, и в истории русской драматургии.³⁹ Вызывает недоумение и принцип расположения текстов драм. Они группируются то по тематическому, то по жанровому, то по хронологическому признакам, то по репертуару данного театра.

Между тем современного историка литературы должна интересовать история отечественной драмы как рода литературных произведений в диалогической форме, предназначенных для сценического воплощения. Чтобы построить историю ранней драмы как непрерывный процесс, необходимо, во-первых, опираться на солидную источниковедческую базу, достаточно репрезентативную в историко-литературном отношении, во-вторых, правильно классифицировать ранние драматические произведения по жанрово-стилистическим признакам, в-третьих, не пренебрегать теорией драмы, изучив идейно-эстетические и философские основы разновидности ранних русских драм. Чрезвычайно важно прибегать и к историческому методу, без которого невозможно теперь

разобраться в сложных отношениях русской драмы с драмами европейскими и, в особенности, с польскими, украинскими и немецкими.⁴⁰ Существующие истории раннего русского театра и драмы (в том числе и драмы Петровского времени) недостаточны ввиду того, что они не опираются на весь добытый современной филологической наукой источниковедческий материал.⁴¹ «Полной научной истории ранней русской драматургии так и не появилось до сих пор», — пишет А. С. Демин.⁴² Прежнее представление о второстепенности ранней русской драматургии в настоящее время в значительной степени поколеблено благодаря новым исследованиям в этой области и публикациям первоисточников.

Залог будущих успехов — обобщающие историко-литературные и теоретические экскурсии в историю драматургии Переходного периода, вышедшие из-под пера научных сотрудников группы древнерусской литературы ИМЛИ АН СССР. Таковы вступительные статьи к четырем томам пятитомника.⁴³ Охарактеризовав

⁴⁰ См., например, образцовое применение сравнительно-исторического метода О. А. Державиной в исследовании пьес об Эсфире: Державина О. А. Русско-европейские литературные связи в области драматургии на рубеже XVII—XVIII веков (История Эсфиры на школьной сцене западноевропейского и русского театра). — В кн.: Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. М., 1973, с. 282—294.

⁴¹ Ср.: История русского драматического театра в 7-ми т., т. I. От истоков до конца XVIII века. М., 1977; Асеев Б. Н. Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII века. Изд. 2-е. М., 1977. Ср.: Петровская И. Ф. Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра. Л., 1971.

⁴² Демин А. С. Труды В. Н. Петрета по истории русского театра. — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). М., 1976, с. 184. Ср. также: Бегунов Ю. К. Проблемы изучения ранней русской драматургии. — Русская литература, 1981, № 2, с. 195—210.

⁴³ Державина О. А. Русский театр 70—90-х годов XVII в. и начала XVIII в. — В кн.: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972, с. 5—56; Демин А. С. Эволюция московской школьной драматургии. — В кн.: Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974, с. 7—48; Елеонская А. С. Творческие взаимосвязи школьного и придворного театров в России. — В кн.: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975, с. 7—46; Державина О. А., Демин А. С., Робинсон А. Н. Рукописная драма

³⁸ См. рец.: Буланна Д. М., Буланна Т. В. Академическое издание памятников ранней русской драматургии. — Русская литература, 1978, № 2, с. 237—241.

³⁹ Из последних работ о ней см.: Ахатович Т. Е. «Владимир» Феофана Прокоповича. — Вестник Беларускаго універсітэта, 1979, сер. 4, филологія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, № 1, с. 13—17; Лелекина Н. А. О некоторых особенностях метафорических словосочетаний в трагедокомедии Феофана Прокоповича «Владимир». — В кн.: Вопросы синтаксиса русского языка, вып. 1. Рязань, 1974, с. 101—106.

первый русский театр как явление европейской культуры.⁴⁴ А. Н. Робинсон посвятил специальное исследование доминирующей роли русской драматургии и театра как видов искусства в эпоху петровских реформ.⁴⁵ Приводимый им материал, доказывающий новизну тем и идей драм, убедительно опровергает надоевший всем тезис о том, что в Петровскую эпоху было «не до литературы». К сожалению, в статье ничего не говорится ни о массовом театре, ни о народных тенденциях в интермедиях,⁴⁶ ни о своеобразных жанровых формах драм Петровской эпохи.

В центре внимания работ А. С. Демина — круг художественных представлений в литературе второй половины XVII — первой трети XVIII веков, в том числе и в драматургии.⁴⁷

В специальной статье О. А. Державина рассмотрела пьесу Федора Жуковского на смерть Петра I — «Слава печальная» — в контексте литературы 1720-х годов,⁴⁸ а А. С. Елеонская —

тургия и театральная жизнь первой половины XVIII в. — В кн.: Пьесы любительских театров. М., 1976, с. 7—52.

⁴⁴ Р о б и н с о н А. Н. Первый русский театр как явление европейской культуры. — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.), с. 8—27.

⁴⁵ В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв. М., 1978, с. 176—182.

⁴⁶ Восточнославянская интермедия обстоятельно изучена в работах польской исследовательницы Паулины Левин. См.: Л е в и н П. Сценическая структура восточнославянских интермедий. — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.), с. 105—127. Ср.: L e w i n P. Intermedia wschodnioslowiańskie XVI—XVIII wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967. См. также: К у з ь м и н а В. Д. Старопольские и русские интермедии. К вопросу об их сравнительно-историческом изучении. — В кн.: Польско-русские литературные связи. М., 1970, с. 29—55.

⁴⁷ Д е м и н А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977. См. рец.: К у з ь м и н А. И. Новое исследование русской литературы второй половины XVII—начала XVIII века. — Русская литература, 1978, № 2, с. 241—242; Л и х а ч е в Д. С. Русская литература переходного периода. — Вопросы литературы, 1977, № 10, с. 273—279. См. также: Д е м и н А. С. Новые художественные представления о мире, природе, человеке в русской литературе второй половины XVII—начала XVIII в. Автореферат докт. дис. М., 1976.

⁴⁸ Д е р ж а в и н а О. А. Пьеса 20-х годов XVIII в. «Слава печальная»

драму Исаака Хмарного «Образ победоносия».⁴⁹ Публицистикой на сцене считает первые русские пьесы XVII—начала XVIII века А. С. Елеонская.⁵⁰ Панегирические пьесы Славяно-греко-латинской академии, прославлявшие победы русского оружия в Северной войне, носили в себе черты политической сатиры и имели агитационное значение.⁵¹ Пьесаморалите «Ужасная измена сластолюбивого жителя с прискорбным и нищетным» (1701) подробно проанализирована А. С. Елеонской.⁵² Московская исследовательница поставила и убедительно решила проблему комического в школьных пьесах конца XVII—начала XVIII века.⁵³ В другой своей работе она проследила эволюцию образа идеального государя (Алексея Михайловича, Петра I) в «Отце отечества». ⁵⁴ В. П. Гребенюк обращает внимание на публичные зрелища Петровского времени и их связь с театром.⁵⁵ Ю. В. Стенник усмотрел в драматургии Петровского времени предпосылки трагедий и комедий А. П. Сумарокова.⁵⁶

Традиционно считавшиеся «петровскими» пьесы «Акт о преславной палестин-

и литература этого периода. — В кн.: XVIII век, сб. 9, с. 250—258.

⁴⁹ Е л е о н с к а я А. С. Посмертный панегирик Петру I в стенах Славяно-греко-латинской академии. — Там же, с. 259—269.

⁵⁰ Е л е о н с к а я А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978, с. 232—258.

⁵¹ Некоторые художественные особенности подобных драм обстоятельно рассмотрены Г. С. Баранковой. См.: Б а р а н к о в а Г. С. Пьесы Славяно-греко-латинской академии о Северной войне (о некоторых художественных особенностях). — В кн.: XVIII век, сб. 9, с. 270—278.

⁵² Е л е о н с к а я А. С. «Притча о богатом и Лазаре» на сцене Славяно-греко-латинской академии. — Учен. зап. Московск. пед. ин-та, 1971, т. 455, с. 79—93.

⁵³ Е л е о н с к а я А. С. Комическое в школьных пьесах конца XVII—начала XVIII в. — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.), с. 73—87.

⁵⁴ Е л е о н с к а я А. С. Образ идеального правителя в русских пьесах второй четверти XVIII в. — В кн.: Искусство слова. Сб. статей к 80-летию члена-корр. АН СССР Д. Д. Благого. М., 1973, с. 39—48.

⁵⁵ Г р е б е н ю к В. П. Публичные зрелища Петровского времени и их связь с театром. — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.), с. 133—145.

⁵⁶ С т е н н и к Ю. В. Драматургия Петровской эпохи и первые трагедии Сумарокова (к постановке вопроса). — В кн.: XVIII век, сб. 9, с. 227—249.

ских стран царице» и «Акт о Петре Златых Ключей» Л. А. Итигина датирует 1730-ми годами и связывает их с оппозиционным театром Елизаветы Петровны.⁵⁷

Анализу языка и стиля светских переводных пьес Петровского времени посвятила ряд работ Е. Г. Ковалевская.⁵⁸ Краткий очерк истории русской комедии в Петровскую эпоху содержится в посмертно изданной книге П. Н. Беркова.⁵⁹ Литературному и обществено-политическому значению «Надгробной похвалы Петру Великому» (1725) посвятила свою работу М. В. Николаева.⁶⁰

О работах московской исследовательницы Л. А. Софроновой по поэтике школьного театра, важного культурного феномена Петровской эпохи, следует сказать особо. Ведь Петр I хранил заветную мысль превратить школьный театр «благородных отроков великороссийских» из Московской духовной академии в массовый театр, способный стать проводником государственно-исторических идей; позднее такие же надежды связывались с театрами странствующих комедиантов Куншта и Фюрста. В этой связи заслуживает внимания предпринятая Л. А. Софроновой попытка «вести театр в смысловое единство эпохи», обратившись к его поэтике. Монография Л. А. Софроновой — достойное продолжение работ члена-корр. АН УССР В. И. Резанова.⁶¹

⁵⁷ Итигина Л. А. К вопросу о репертуаре оппозиционного театра Елизаветы Петровны в 1730-е годы. — Там же, с. 321—331.

⁵⁸ Ковалевская Е. Г. 1) Речь персонажей и речевая характеристика героев. — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им А. И. Герцена, 1971, т. 451, с. 151—167; 2) Стилеобразующая лексика интимных диалогов в светской переводной драме Петровской эпохи. — Там же, с. 168—185; 3) Лингвистическое исследование текстов русских драматических произведений конца XVII—первой четверти XIX в. Автореферат докт. дис. Л., 1971; 4) Интимные диалоги в переводных светских драмах Петровского времени (опыт стилистического анализа). — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.), с. 119—132.

⁵⁹ Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Отв. ред. Н. Д. Кочеткова и Г. П. Макогоненко. Л., 1977, с. 6—23.

⁶⁰ Николаева М. В. Панегирическое действие на смерть Петра I. — В кн.: Rusycystyczne studia literaturoznawcze, t. 2. Katowice, 1979, s. 5—24.

⁶¹ Софронова Л. А. 1) Поэтика школьного театра. — ТОДРЛ, т. XXXIV, с. 176—188; 2) Поэтика славянского театра XVII—первой половины XVIII вв. Польша, Украина, Россия. М., 1981. О работах В. И. Резанова см.: Бегу-

Московская исследовательница устанавливает, что «русский школьный театр, как и польский, прошел путь от материальных диалогов к агиографическим трагедиям (характерным для него в меньшей степени, чем для польского), от них — к панегирику с ярко выраженным общественно-политическим содержанием, сочетавшим в себе элементы различных жанровых структур».⁶² История школьной драмы в России, как известно, начинается декламациями и диалогами Спмеона Полоцкого в 70-е годы XVII века, а кончается декламацией Мануила Базылевича 50-х годов XVIII века (см. главу «Краткая история и характеристика школьного театра», с. 27—54). Процесс взаимодействия школьной драмы с народной, что выразилось, например, во включении в «Стефанотокос» «спектакля в спектакле» — многочисленных интермедий из народной жизни, прошел для Л. А. Софроновой как для исследователя незамеченным. Отсюда и невнимание к взаимодействию поэтики школьной драмы с поэтикой народной драмы. Устойчивость жанровых форм, их видимая и мнимая статичность на протяжении десятилетий как будто бы способствует логизированному и формальному анализу поэтических ценностей. Но Л. А. Софронова не идет по этому обманчивому пути. Драммы Петровской эпохи ее интересуют с точки зрения философии искусства, «вечных тем и идей». Глубокое проникновение в поэтический мир школьной драмы — несомненное достоинство книги. Но есть и недостатки. Это — отсутствие видовой классификации школьных драм и невнимание к истории литературных форм школьной драмы в России. Отсюда и внешнеисторический, суммарный аспект исследования, за пределами которого осталось все своеобразие русской школьной драмы, не копировавшей ни польскую, ни украинскую школьные драмы. Историческая изменяемость элементов поэтики драмы в монографии не прослеживается. «Философию искусства» эпохи автор связывает исключительно с барокко (см. главу «Несколько замечаний о поэтике барокко» и заключение «Школьный театр и барокко», с. 228—240). Между тем с этим явлением дело обстоит гораздо сложнее.⁶³ Все богатство и разнообразие стилей и жанровых форм русской драматургии первой трети XVIII века нельзя свести только к барокко. Повествовательная или романтическая драма, вроде «Акта о Петре Златых Ключей», лишь отчасти зависела от польско-украинских поэтик. То же самое следует сказать и об

нов Ю. К. Проблемы изучения ранней русской драматургии, с. 199—200.

⁶² Софронова Л. А. Поэтика славянского театра. . . с. 51.

⁶³ Бегунов Ю. К. Изучение литературы Петровской эпохи за последнее десятилетие, с. 222—225.

интермедиях и циклах интермедий, включаемых в школьный спектакль. Трагедо-комедия «Владимир» Феофана Прокоповича ориентируется не на одно только барокко: его художественная историко-философская основа значительно шире и богаче.

Историческое повествование и публицистика

Петр I живо интересовался прошлым своей страны, сам изучал и побуждал своих сподвижников изучать русскую историю, пристально следить за текущей политикой. Первая русская газета — «Ведомости» — была рупором идей эпохи. Считалось, что до 1714 года ее редактором был Ф. П. Поликарпов, с 1714 года — М. Аврамов, а с 1719 года — Б. Волков. Днепропетровский историк А. Г. Белебрух привел документы, показывающие, что указанные лица не могли быть ее редакторами и что газету редактировало правительство царя Петра.⁶⁴ В 1708 году Ф. П. Поликарпов, а в 1709 году Г. Г. Скорняков-Писарев предпринимают попытки написать обобщающие исторические сочинения. «История России» Федора Поликарпова была написана в 1715 году. О ней как памятнике литературы недавно написала Г. Н. Моисеева.⁶⁵ Окончательный вид основной редакции сохранился в рукописи БАН СССР (32.6.30).

О Ф. Поликарпове как переводчице «Географии генеральной» Бернарда Варения написала Э. В. Лукичева.⁶⁶ При ближайшем участии Петра А. В. Макаровым, П. П. Шафировым, Феофаном Прокоповичем и др. создавался «Журнал или Поденная записка» — хроника событий Северной войны; такие же журналы велись и при канцеляриях полководцев Б. П. Шереметева и А. Д. Меншикова. Вице-канцлер П. П. Шафиров написал и напечатал «Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый... к началу войны против короля Карола XII шведского 1700 году имел» (1717). Американский историк В. Е. Батлер издал это сочинение в переводе на английский язык⁶⁷ и посвятил

П. П. Шафирову несколько исследований как о дипломате и борце за усвоение в России европейской концепции международного права. «Рассуждение...» Шафирова было первым русским литературным произведением, переведенным на английский язык (1722). Историю царствования Петра I писали его современники один независимо от другого: А. И. Манкиев, Феофан Прокопович, Б. И. Куракин и Ф. И. Соймонов. В 1722 году Петр I велел своему кабинет-секретарю А. В. Макарову собирать все по истории России. Эта работа, продолжавшаяся до начала 1730-х годов, не пропала даром — она воплотилась в труды, многие из которых увидели свет через десятки лет после смерти Петра Великого. Впрочем, немало петровских «историй» по сей день еще остаются ненапечатанными, хранятся в рукописях государственных архивохранилищ и библиотек. Среди них и «История Свейской войны», рукопись Кабинета Петра Великого, отд. I (ЦГАДА). Исследование ее было недавно произведено Т. С. Майковой.⁶⁸

Историческим сочинениям и публицистике Петровского времени посвятила свои исследования М. В. Николаева.⁶⁹

ween Sweden and Russia: 1700—1721. Ed. by W. E. Butler. New York, 1973; Butler W. E. 1) P. P. Shafirov and the Law of nations. — In: Shafirov P. P. A Discourse... p. 1—39, 2) Shafirov: diplomatist of Petrine Russia. — History today, 1973, vol. 23, № 10, p. 699—704; 3) P. P. Shafirov and the Law of Nations in Petrine Russia. — In: Study group on Eighteenth-century Russia. Newsletter, № 2, September 1974. Norwich, 1974, p. 5—8.

⁶⁸ Майкова Т. С. Петр I и «История Свейской войны». — В кн.: Россия в период реформ Петра I, с. 103—132. В настоящее время текст «Истории Свейской войны» подготовлен к печати научными сотрудниками Института истории СССР АН СССР.

⁶⁹ Николаева М. В. 1) Из публицистики Петровского времени. («Разыское дело» царевича Алексея Петровича). — В кн.: XXIV Герценовские чтения. Филологические науки. Краткое содержание докладов 23.III—23.IV 1971 г. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1971, с. 48—49; 2) История об Азове и об Азовских походах. — В кн.: Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков (Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им А. И. Герцена, 1971, т. 414), с. 21—50; 3) «Предисловие» к петровскому переводу «Тестамент политического» кардинала Ришелье. — Filologia rosyjska. Gdańsk, 1973, № 3, с. 5—20; 4) «Тестамент» Петра I царевичу Алексею. — В кн.: XVIII век, сб. 9, с. 93—111; 5) История Петра Великого в составе «Подробной летописи» и ее источники. — Filologia rosyjska, Gdańsk, 1975, № 4, с. 5—26.

⁶⁴ Белебрух А. Г. Кто редактировал «Ведомости»? — В кн.: Сборник научных статей аспирантов кафедр истории СССР и УССР и всеобщей истории. Днепропетровск, 1971, с. 126—133.

⁶⁵ Моисеева Г. Н. «История России» Федора Поликарпова как памятник литературы. — В кн.: XVIII век, сб. 9, с. 81—92.

⁶⁶ Лукичева Э. В. Федор Поликарпов — переводчик «Географии генеральной» Бернарда Варения. — В кн.: XVIII век, сб. 9, с. 289—296.

⁶⁷ Shafirov P. P. A Discourse concerning the just causes of the war bet-

Предметы ее исследований — малоизвестные рукописные «История об Азове и об Азовских походах», «История Петра Великого» в составе «Подробной летописи», «Речь Петра I перед Полтавской битвой» (1709), «Объявление сыну моему» Петра I (1 октября 1715 года), «Речь Петра I в сенате» (1721), «Предисловие к петровскому переводу „Тестамент политического“ кардинала Ришелье» (1725), печатное «Объявление розыскного дела и суда... на царевича Алексея Петровича» (1718, 1720). Стоит сказать несколько слов о «Подробной летописи», в составе которой сохранилась «История Петра Великого». В XVIII веке она была издана по неисправному списку Николаем Львовым (Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии, ч. 1—4. СПб., 1798—1799). М. В. Николаева изучила памятник по пяти рукописным спискам 40—60-х годов XVIII века, установила две редакции произведения; первая была составлена еще при жизни Петра I в 1724 году и изложение событий в ней было доведено до 1700 года, а вторая составлялась в 1740-е годы и была доведена до 1725 года. В ней звучит апология преобразований Петра I, когда понятия «общественное благо» и «благо личное» сливались в одно, единое понятие «пользы государственной». Традиция, идущая от древнерусских житий, соединяется здесь с новой традицией светской исторической аполонии так, что элементы чудесного переплетаются в повествовании с рационалистическими элементами. Создается новый тип исторического повествования. Научное издание «Подробной летописи» на основе изучения истории ее текста неотложная задача науки.

Кроме печатного «Родословия» Феофана Прокоповича к историческим сочинениям относятся и найденная Г. Н. Мопсеевой «История о создании и взятии Царьграда» И. В. Паузе (1711), представляющая собою историю Константинополя с древнейших времен.⁷⁰

В первой главе своей монографии Г. Н. Мопсеева подробно рассматривает творческие истории создания крупнейших исторических памятников Петровской эпохи — «Истории России» Ф. П. Полкарпова (1708—1715), «Родословия великих государей царей и великих князей российских» и «Собрания от летописателей...» Феофана Прокоповича (1716—1719), «Истории Царьградской» И. В. Паузе (1711), «Истории» о разорении Иерусалима и взятии Царьграда (1713), «Келейного летописца» или «Хро-

нологии» Дмитрия Ростовского (1702—1709), «Истории Российской» В. Н. Татищева (1720—1750) с привлечением всех возможных рукописных списков этих сочинений.⁷¹

Соотношение «исторических» и «мифологических» элементов в ранних биографиях Петра I рассмотрела М. Плеханова.⁷²

К послепетровскому времени относится труд обер-секретаря Сената И. К. Кирilloва «Цветущее состояние Всероссийского государства» (1727), где сделана попытка увековечить в памяти потомков результаты петровских реформ.⁷³

С исторической публицистикой Петровского и послепетровского времени тесно связаны так называемые завещания Петра I. В последнее время Н. И. Павленко удалось подвести некоторые итоги длительной полемики об их аутентичности.⁷⁴ Первое из них — «письмо» 1711 года с Прутского похода является «забренением» Я. Штёллина; второе — предсмертные слова «Отдайте все...», придуманные в середине XVIII века автором «Записок о России при Петре Великом, извлеченных из бумаг графа Бассевича»; третье — фальшивка, сфабрикованная французским дипломатом шевалье Д'Еоном около 1757 года. Свообразным продолжением труда С. Л. Пештича «Русская историография XVII века» следует считать обобщающий, итоговый обзор хода развития русской историографической мысли в первой четверти XVIII века, принадлежащий перу историка М. А. Алпатов. В трех из шести глав книги «Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII—первая четверть XVIII века» (М., 1976) — «Накопление знаний о Западной Европе в годы петровских преобразований», «Историческая мысль в Петровское время» и «Новый этап в истории западной исторической литературы о России» — рассматриваются «Журнал или Поденная записка...», «Краткий летописец от 1605 по 1703 г.», «История» Ф. Полкарпова, «Рассуждение...» П. П. Шафирова, «Летописец 1710 г.» Б. И. Куракина, сочинения Феофана Прокоповича, А. И. Маткеева, Генриха Гюссена и др. М. А. Алпатов анализирует источники под углом зрения определенной исторической теории, господствовавшей в то время в России. Здесь же рассматриваются и вос-

⁷¹ Мопсеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века, с. 49—125.

⁷² В кн.: Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979, с. 82—88.

⁷³ Изд. текста см.: Кирilloв И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.

⁷⁴ Павленко Н. И. Три так называемых «Завещания» Петра I. — Вопросы истории, 1979, № 2, с. 129—144.

⁷⁰ Мопсеева Г. Н. «История Царьградская» Иоганна Вернера Паузе — неизвестное сочинение начала XVIII века. — В кн.: Культурное наследие древней Руси. Истоки, становление, традиции. Сб. в честь акад. Д. С. Лихачева. М., 1976, с. 206—210.

приятие русскими Европы и европейскими событий, и реценция европейцами России и всего в ней происходящего.

Повести

Повествовательная литература рассмотрена нами в предыдущем обзоре.⁷⁵ В дополнение к нему назовем работы, которые вышли в свет недавно.⁷⁶ Любопытно, что Л. В. Соколова разделяет наш взгляд на расцвет повествовательной беллетристики в Петровскую эпоху. Тогда старые повествовательные тексты часто перерабатывались и переписывались и на их основе создавались новые рукописные произведения. Таковы литературные редакции XVIII века повестей об Акире Премудром, о Григории, папе Римском, о Бове, о Петре Златых Ключей, о Еруслане Лазаревиче, о Дмитрие Барсаре, о Аполлонии Тирском.

Литература путешествий и мемуары

К повествовательной традиции приращивает литература путешествий. Путешествие в Переходную эпоху играло огромную социальную и общеобразовательную роль. Описания других стран: одни — традиционные, в жанре хождения, другие — новые — в духе статейных списков, путевых записок, мемуаров («Неизвестной особы», П. А. Толстого, Б. П. Шереметева, А. А. Матвеева, Б. И. Куракина) имели интересную литературную судьбу. Н. И. Прокофьев в своей работе показывает отличие новых путешествий от старых.⁷⁷ Если авторы хождений интересовались христианскими святынями и храмами, то путешественники нового времени «с увлечением рассказывают об экономике, культуре и искусстве, о музеях и технических новинках, о балах и маскарадах, о зоопарках и

библиотеках, об уличных народных зрелищах» (с. 133). Приемы построения старых хождений использовались авторами новых путевых записок. В путевых записках с большей отчетливостью выражались индивидуальные особенности повествователя. Это бросается в глаза при сравнении дневников П. А. Толстого и Б. И. Куракина. Путешественники начала XVIII века — «птенцы гнезда Петрова» — учились литературе и сами формировали простой и ясный стиль литературы нового времени. Советскому историку И. С. Шарковой и польским исследователям Ф. Селицкому и М. Пржитулецкой принадлежат научные труды о двух из таких путевых записок. И. С. Шаркова издала (по рукописи ЛОИИ, ф. 36, оп. 1. д. 180) и исследовала «Записки графа Андрея Матвеева о путешествии во Францию в 1705—1706 годах».⁷⁸ Ф. Селицкий издал в переводе на польский язык записки Б. П. Шереметева о путешествии по Европе в 1697—1698 годах.⁷⁹ В трех частях исследования изучены история рода бояр Шереметевых, жизнь и деятельность фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева (1652—1719) и, особенно, все то, что связано с Польшей;⁸⁰ исследование завершается обзором литературы русских путешественников и связанных с ними литературных особенностей дневника сподвижника Петра М. Пржитулецка изучила полонизмы в путевом дневнике Б. П. Шереметева.⁸¹

М. Я. Биллинкис, основываясь на работе Н. И. Прокофьева, прослеживает связь путевых записок с мемуарным жан-

⁷⁸ Русский дипломат во Франции. (Записки Андрея Матвеева). Публ. подг. И. С. Шарковой. Под ред. А. Д. Люблинского. Л., 1972.

⁷⁹ Sielicki F. Podróż bojarzyna Borysa Szeremietiewa przez Polskę i Austrię do Rzymu oraz na Maltę 1697—1698. Z dziejów kontaktów kulturalnych Rusi Moskiewskiej z Polską i Zachodem. Wrocław—Warszawa—Gdańsk, 1975. Отклик см.: Баскаков В. Н. Памятники русской средневековой литературы в польских переводах и исследованиях. — ТОДРЛ, т. XXXIII, 1979, с. 450—453.

⁸⁰ Советская монография о Б. П. Шереметеве написана А. И. Заозерским. Отрывок из нее «Фельдмаршал Шереметев и правительственная среда Петровского времени» опубликован в кн.: Россия в период реформ Петра I, с. 172—198.

⁸¹ Przytułowska M. 1) Uwagi językoznawcze na marginesie Notatki z podróży B. P. Szeremietiewa. — Slavica Wratislaviensia, Wrocław, 1972, vol. 3, s. 27—37; 2) Polonizmy leksykalne w Dzienniku Podróży B. P. Szeremietiewa z lat 1697—1699. — Rozprawy Komisji Językowej Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, Wrocław, 1978, vol. 11, s. 121—142.

⁷⁵ Бегунов Ю. К. Изучение литературы Петровской эпохи, с. 218—222.

⁷⁶ Михалица А. А. Проблемы датировки «Истории о Франце Мемзювзилиусе». — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 266—278; Соколова Л. В. Литературные обработки XVIII в. «Повести об Аполлонии Тирском». — Там же, с. 279—291; Аписит Т. Н. К вопросу о происхождении «Повести о Франце Венециане». — В кн.: Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979, с. 68—77.

⁷⁷ Прокофьев Н. И. О традициях и новаторстве путевых записок Петровского времени. — В кн.: XVIII век, сб. 9, с. 129—138.

ром, который рождался в литературе нового времени в Петровскую эпоху.⁸² Имеются в виду мемуары князя Б. И. Куракина,⁸³ в которых повествование ведется от первого лица. В отличие от этих мемуаров, путевые «Записки» князя Б. И. Куракина не воспринимались как мемуары, так как в центре внимания их автора — событие, а не личность.

Краткий обзор истории русской мемуаристики, начиная с Петровского времени, принадлежит новозеландской исследовательнице Ксенин Гловацки-Прус.⁸⁴ Немецкий исследователь Клаус Дитрих Зеeman в своей капитальной монографии «Древнерусская литература хождений» дал подробный обобщающий обзор произведений первой четверти XVIII века, написанных в традиционном древнерусском жанре.⁸⁵ Среди них сочинения старообрядца Лукьянова, Макария и Сильвестра, Андрея Игнатьева, Ипполита Вишенского, Варлаама Ленинского, Матвея Нечаева, Сильвестра и Никодима, Василия Григоровича-Барского, Дамаскина Птицкого. Все му труду придан теоретический аспект. Рассматривается судьба одного литературного жанра с древнейших времен и до первой четверти XVIII века включительно (с. 404—421). В справочном аппарате приводятся ценные сведения по библиографии исследований и о рукописных списках хождений (с. 424—428, 439—442, 446, 458, 461). Хождение 1701—1703 годов в Иерусалим калужского священника Иоанна Лукьянова имеет стилистическое сходство с Житием протопopa Аввакума. На это обратила внимание Н. В. Поньрко; она же настаивает на тождестве Лукьянова со старообрядческим иноком Брянских лесов Леонтием.⁸⁶ Язык и стиль этого «Путешествия» охарактеризован С. Н. Травниковым.⁸⁷

⁸² Биллпкис М. Я. К вопросу о проблемах мемуарного жанра в русской литературе первой трети XVIII века. — В кн.: Проблемы эстетики и поэтики. Межвузовский сб. научн. тр., вып. 160. Ярославль, 1976, с. 3—10.

⁸³ Жизнь князя Б. И. Куракина, им самим написанная. — В кн.: Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. I, СПб., 1890.

⁸⁴ Głowacki-Prus X. A brief survey of memoirs written in Russian from Peter the Great to S. T. Aksakov. — New Zealand slavonic journal, Wellington, 1974, vol. 12, p. 10—26.

⁸⁵ Seeman K. D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976, S. 366—403.

⁸⁶ Поньрко Н. В. Сочинения старца Леонтия и школа протопopa Аввакума. — ТОДРЛ, т. XXXIII, с. 156—163.

⁸⁷ Травников С. Н. Язык и стиль «Путешествия Иоанна Лукьянова». — Русская речь, 1979, № 1, с. 102—107.

В первой четверти XVIII века продолжала существовать древнерусская литературная традиция житий и служб святых и рассказов о «чудесах» (легендарных сказаний). Интерес к переписыванию старых и созданию новых произведений сохранялся в церковно-школьной среде; ⁸⁸ рукописные сборники агиографических, гимнографических, легендарных произведений старой и новой традиции имели хождение как «народная книга» в крестьянской и городской среде по всей России на протяжении всего XVIII века. Новые жития и службы святых, написанные в духе прославления петровских преобразований, печатались и широко распространялись по всей России. К числу последних относится 16-я редакция Жития Александра Невского и «Служба благодарственная... на воспоминание заключенного мира между империей Российской и короною Швейцарскою», составленные в 1724 году Гавриилом Бужинским и тогда же напечатанные. В соответствии с духом времени национальный герой Невской битвы представлен предшественником побед русских полководцев на берегах Невы в Северной войне, а Петр I подражателем и наследником дел Александра Невского. Анализ этих произведений как художественных был дан Ю. К. Бегуновым.⁸⁹ Три редакции «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой» Феофилакта Лопатинского исследовал И. Ф. Мартынов.⁹⁰ О. А. Белоброва опубликовала и исследовала любопытное сочинение, рассказывающее о том, как Петр I повелел архимандриту Троице-Сергиевой лавры снять монастырские колокола и перелить их на пушки, но чудотворец Сергей «не позволил» этого сделать, «и великий государь в монастырь приходил, плакол, прощения просил у чудотворца Сергея о изволении своем».⁹¹ Богатая и своеобразная литература вышла из среды после-

⁸⁸ Подробнее см.: Бегунов Ю. К. Рукописная литература XVIII века и демократический читатель (проблемы и задачи изучения). — Русская литература, 1977, № 1, с. 121—132.

⁸⁹ Бегунов Ю. К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском. — ТОДРЛ, т. XXVI, с. 72—84.

⁹⁰ Мартынов И. Ф. Три редакции «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой». — В кн.: XVIII век, сб. 9, с. 139—148.

⁹¹ Белоброва О. А. Чудо 1701 г. с колоколами Троице-Сергиева монастыря. — ТОДРЛ, т. XXVI, с. 302—311.

дователей «огнепального» пророка Аввакума, старообрядцев. В Петровскую эпоху в Беломорских лесах возникли Выговский и Лексинский старообрядческие монастыри (в 1694 и 1706 годах) — своеобразные старообрядческие академии наук и искусств. Последние отпрыски рода князей Мышецких братья Андрей и Семен Денисовы-Вторушины прославились по всей России как выдающиеся старообрядческие писатели, составители «Поморских ответов», авторы стихотворного «Винограда Российского», многочисленных слов и посланий, стихов.⁹²

Литературная деятельность выговцев стала в последнее время предметом специальных исследований Н. В. Поньрко⁹³ и Д. Н. Брещинского.⁹⁴ Последние значительно расширили наши представления о закономерностях развития агнографического жанра в первой трети XVIII века, изучив жития Корнилия Выговского, Варлаама Керетского, инок Елифания, Кирилла Сунарецкого, боярыни Морозовой. Впервые на большом фактическом материале показан школьный характер выговской ораторской прозы, установлена ее зависимость от риторик XVII века, выяснены некоторые эстетические принципы Выговской литературной школы. Ю. А. Лабынцев охарактеризовал Выговский монастырь как книжно-рукописный центр.⁹⁵

Московский старообрядческий писатель Симеон Моховиков, автор «Жития Максима Грека» (1720—1721) и составитель двух больших сборников, привлек к себе внимание И. В. Поздеевой.⁹⁶

⁹² Подробнее см.: З е н ь к о в с к и й С. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970, с. 453—466; С t r u m e y R. O. The old believers and the world of antichrist. The Vyg Community and the Russian state 1694—1855. Madison, 1970.

⁹³ П о н ь р к о Н. В. 1) Кирилло-Епифаньевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе. — ТОДРЛ, т. XXIX, с. 154—169; 2) Выговская литературная школа в первой половине XVIII столетия. Автореферат канд. дис. Л., 1979.

⁹⁴ Б р е щ и н с к и й Д. Н. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу. — ТОДРЛ, т. XXXIII, с. 127—141.

⁹⁵ Л а б ы н ц е в Ю. А. Польская литература и крупнейшая старообрядческая библиотека XVIII в. (Выговское общежительство и братья Денисовы). — В кн.: Федоровские чтения 1978. М., 1981, с. 197—201.

⁹⁶ П о з д е е в а И. В. Вновь найденный сборник Симеона Моховикова с гравюрами Г. П. Тепчегорского. — В кн.: Народная гравюра и фольклор

В своей статье она анализирует состав найденного в 1974 году археографической экспедицией МГУ сборника 1745—1746 годов, содержащего «Сказание вкратце» о 133 богородичных иконах и «Лестницу о российских святых». В литературной деятельности Моховикова И. В. Поздеева усматривает попытку возрождения классических традиций древнерусской литературы.

В своей монографии «Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века» Г. Н. Моисеева на большом фактическом материале с привлечением многих рукописных источников убедительно показывает, что своими корнями литература Петровского времени уходит в древнерусскую литературу. Поликарпов, Феофан Прокопович, Пауза, Димитрий Ростовский, Татищев во многом основываются на древнерусских летописях, Степенной книге, хронографах (см. гл. I, с. 19—47). Феофан Прокопович использует рассказы «Повести временных лет» и «Житие князя Владимир» для создания трагедокомедии «Владимир» (см. гл. II, с. 126—129). Традиции агнографии, гимнографии и ораторской прозы Древней Руси оказали воздействие на формирование эпической поэзии и торжественной лирики XVIII века (Феофилакт Лопатинский, Гавриил Бужинский, Феофан Прокопович). Вполне обоснован и конечный вывод исследовательницы: «В начале XVIII в. Россия смогла встать в один ряд с теми государствами Западной Европы, которые опередили ее в экономическом и культурном развитии... наряду с рецепцией западно-европейской культуры русская общественная мысль обращается к осмыслению опыта национального развития. В аспекте ренессансных и раннепросветительских идей XVIII в. рукописное наследие Древней Руси было включено в систему развития новых литературных жанров, возникших под влиянием эстетики классицизма: эпической поэзии и торжественной лирики, драматургии и историографии».⁹⁷

Пародия и сатира

Всенародные торжества и всеобщее веселье были неотъемлемой частью культурного бытия Петровской эпохи, когда зрелища стали важнейшей формой художественной жизни. Фейерверки, иллюминации, торжественные шествия, маскарады, ассамблеи казались частью большого театрализованного представ-

в России XVII—XIX вв. (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского). М., 1976, с. 175—198.

⁹⁷ М о и с е е в а Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании... с. 233.

ления, режиссером которого был сам Великий преобразователь. «На случай» сочинялись и литературные пародии. Одна из них — «Чин в князь-папы постановления» была издана по рукописи ЦГАДА (из Кабинета Петра I, ф. 9, оп. 1, № 67, лл. 44—46 об.).⁹⁸ Как продолжение скоморошьеи традиции, широко использовавшей пародию и сатиру, рассматривает «Всепьянейший и всешутейший синод» Петра I американский исследователь Рассел Жгута.⁹⁹ К Петровскому времени относится пародия на военную бюрократию — «Ответ новгородцев Военной коллегии», написанная после 1721 года. В ней использован Указ 1721 года, в котором предписывалось «прислать в Военную коллегию со старых дел точные копии, а также сочинить о том и прислать экстракт». Новгородцы не понимают незнакомых слов и думают, что Военная коллегия это сестра всеильного вренещика А. Д. Меньшикова, и называют ее «Милостивая государыня Военная коллегия Варвара Даниловна», «Экстракт» толкуют как «Евстрат», «точные копии» — «точные копыя» и т. д.¹⁰⁰ Отметив, что литературный процесс в Петровское время стал ареной «борьбы идей», А. И. Кузьмин упоминает ряд народных произведений о Петре I и любимых картинок, в которых содержалась критика отрицательных сторон реформ.¹⁰¹ «Пародии, юмористика, демократическая рукописная сатира XVIII в., — справедливо писала В. Д. Кузьмина, — создавались на основе традиции, которая сформировалась в Древней Руси. Таковы пародийное „Завещание“ и „Глухой паспорт“, „Абшид сержому коту“ и многие другие произведения».¹⁰²

Разные темы и проблемы

В ряде современных проблемных и тематических исследований затрагивались отдельные стороны культурной и литера-

⁹⁸ См.: XVIII век, сб. 9, с. 24—27.

⁹⁹ Z g u t a R. Peter's «Most drunken synod of fools and jesters». — Jahrbucher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden, 1973, Bd. 21, H. I, S. 18—28.

¹⁰⁰ Кузьмин А. И. Юмор и сатира в эпистолярных произведениях рукописных сборников XVIII в. — В кн.: Литературные направления и стили. Сб. статей, посвященных 75-летию проф. Г. Н. Поспелова. М., 1976, с. 182—189.

¹⁰¹ Кузьмин А. И. Героическая тема в русской литературе. М., 1974. См. рец.: Моисеева Г. Н. Книга о героическом характере русской литературы. — Русская литература, 1975, № 2, с. 249—252.

¹⁰² Кузьмина В. Д. Русский демократический театр XVIII века. М., 1958, с. 41—42.

турной жизни Петровской эпохи. Так А. И. Кузьмин проследил отражение военной темы в художественной и документальной прозе того времени.¹⁰³

Д. М. Шарыпкина заинтересовала «шведская тема» в русской литературе в связи с событиями Северной войны.¹⁰⁴ Образ Петра I, запечатленный классиками русской, польской и украинской литературы, привлек внимание польского исследователя В. Починайло.¹⁰⁵ Немецкая исследовательница Гудрун Циглер в духе традиционного Stoff- und Motivgeschichte рассмотрела приемы изображения Петербурга в русской литературе XVIII—XIX веков по модели, «заданной» Юргеном Палем.¹⁰⁶ Коснулась она, между прочим, и темы Петербурга в проповедях Феофана Прокоповича.¹⁰⁷ В. П. Гребенюк, О. А. Державина, А. С. Елеонская выступили со статьей, посвященной восприятию античного наследия в русской литературе XVII—начала XVIII века, в том числе в драматургии и ораторской прозе Петровской эпохи и у Феофана Прокоповича.¹⁰⁸ Американские и немецкие исследователи много пишут о начале просвещения и европейского образования в Петровскую эпоху. Но если американские ученые рассматривают просвещение односторонне, т. е. только как проникновение европейских просветительных

¹⁰³ Кузьмин А. И. 1) Военная тема в литературе Петровского времени. — В кн.: XVIII век, сб. 9, с. 168—183; 2) Героическая тема в русской литературе, с. 22—47; 3) Развитие народно-героических тем и образов в русской литературе XI—середины XIX века. Автореферат докт. дис. Л., 1975.

¹⁰⁴ Шарыпкина Д. М. Шведская тема в русской литературе Петровской поры. — В кн.: Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Сб. статей. М., 1980, с. 5—62.

¹⁰⁵ P o s z y n a j ł o W. 1) Piotr I i Petersburg w literaturze rosyjskiej roczniku XIX wieku. — Przegląd humanistyczny, Warszawa, 1976, № 6, s. 69—72; 2) Piotr I w poezji Puszkina, Mickiewicza i Szewczenki. — In: Studia polono-slavica-orientalia. Acta literaria, t. VI. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1980, s. 51—100.

¹⁰⁶ Z i e g l e r G. Moskau und Petersburg in der russischen Literatur (cs 1700—1850). Zur Geschichte eines literarischen Stoffes. München, Sagner, 1974. Ср.: P a h l J u. Die Stadt im Aufbruch der perspektivischen Welt. Berlin, 1953.

¹⁰⁷ Ibid., S. 26—30.

¹⁰⁸ Гребенюк В. П., Державина О. А., Елеонская А. С. Античное наследие в русской литературе XVII—начала XVIII века. — В кн.: Славянские литературы. VIII Международной съезд славистов. Загреб—Любляна, сентябрь 1978. М., 1978, с. 194—214.

идей в Россию,¹⁰⁹ то немецкие исследователи изучают просвещение как сложный общественно-политический процесс, в который Россия и Европа были вовлечены «на равных».¹¹⁰ Хельмут Грасхоф, Анне-лиза Лаух и Уве Леман справедливо пишут о становлении способов изображения человека в эпоху борьбы нового со старым, т. е. в Петровскую эпоху.¹¹¹

Международные связи

Международные связи литературы Петровского времени в семидесяте годы интенсивно изучались. Пушкинский Дом издал целый сборник статей «XVIII век, сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи» (1975), посвятив его памяти П. Н. Беркова.

Больше всего внимания уделялось первым по значимости русско-польским литературным связям. Краковский профессор Р. Лужны продолжил исследова-

ния П. Н. Беркова (Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., 1958). В специальной статье он прослеживает древнепольскую традицию в литературе русского просвещения.¹¹² Весьма полезна и сделанный им же обзор девяти изданий на польском языке в литературе эпохи Петра I.¹¹³ Некоторый итог изучения литературы-общественных и научных связей России и Польши конца XVII—середины XVIII века подвела Г. Н. Моисеева в своем докладе VII Международному съезду славистов.¹¹⁴ Паулина Левин проследила пути проникновения в русскую теоретическую мысль и в художественную практику эстетического наследия античности, пересмысленного представителями западноевропейского Возрождения и барокко.¹¹⁵ Точнее, речь идет о художественной концепции польских теоретиков М. К. Сарбевского—Э. Тесауро, ставшей через Украину и Белоруссию известной в России в первой трети XVIII века. О некоторых итогах изучения проблемы «Польское барокко и Россия» сообщил А. В. Липатов.¹¹⁶

¹⁰⁹ R a e f f M. 1) Origins of the Russian intelligentsia. New York, 1966; 2) Imperial Russia 1682—1825. The coming Age of modern Russia. New York, 1974; 3) The Enlightenment in Russia and Russian thought in the Enlightenment. — In: The Eighteenth century in Russia. Ed. by J. G. Garrard. Oxford, 1973, p. 25—47; O k e n f u s s M. J. 1) Education in Russia in the first half of the Eighteenth century. Ph. D. Harvard university, 1974; 2) The «Jesuit» origins of Petrine education. — In: The Eighteenth century in Russia, p. 106—130; 3) Russian students in Europe in the Age of Peter the Great. — In: The Eighteenth century in Russia, p. 131—145; B e n s o n S. The role of western political thought in Petrine Russia. — Canadian-American slavic studies, Montreal, 1974, vol. 8, № 2, p. 254—273.

¹¹⁰ Субъективизм и легковесность некоторых современных западных исследований особенно заметны на примере статьи американского историка Джона Крайккрафта, посвященной истолкованию слов Петра I и Екатерины I (См.: C r a c f a r t J. Some dreams of Peter the Great. A biographical note. — Canadian-American slavic studies, Montreal, 1974, vol. 8, № 2, p. 173—197). Иначе, чем курьезной, ее не назовешь.

¹¹¹ G r a s s h o f f H., L a u c h A., L e h m a n n U. Humanistische Traditionen der russischen Aufklärung. Berlin, 1973. То же см. в журнале «Zeitschrift für Slavistik» (Bd. 18, 1973, Н. 1, 3, 5; Bd. 15, 1970, Н. 6, S. 812—836); См.: Г р а с х о ф. Х. Значение общественно-воспитательной функции литературы для изучения русского просвещения. — В кн.: XVIII век, сб. 10, с. 54—58; Л е м а н У. О некоторых особенностях русского просвещения. — Там же, с. 59—63.

¹¹² См.: XVIII век, сб. 10, с. 176—183.

¹¹³ См.: Там же, сб. 9, с. 304—312.

¹¹⁴ См.: VII Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973, с. 438—451. См. также: М о и с е е в а Г. Н. 1) Древнерусская литература и русская литература XVIII века в новых исследованиях польских ученых. — Русская литература, 1970, № 4, с. 178—183; 2) Проблемы становления новой русской литературы. — В кн.: Современная советская историко-литературная наука. Актуальные вопросы. JL, 1975, с. 115—129. Ср.: L e w i n P. Literatura staropolska i literatury wschodnioslowiańskie. — In: Literatura staropolska w kontekście europejskim. Związki i analogie. Ed. by T. Michałowska and J. Ślaski. Wrocław, 1977.

¹¹⁵ L e w i n P. 1) Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1972; 2) Барокко в литературно-эстетическом сознании преподавателей и слушателей русских духовных училищ XVIII века. — Wiener slavistisches Jahrbuch. Wien—Köln—Graz, 1977, Jhrg. 23, S. 180—198. Ср.: Л и п а т о в А. В. Польское Возрождение и Барокко в русских поэтиках XVIII века. — Русская литература, 1974, № 4, с. 202—204; Реферативный журнал. Серия 7. М., 1974, № 4, с. 142—145.

¹¹⁶ Л и п а т о в А. В. 1) Формирование польского романа и европейская литература. Средневековье, возрождение, барокко. М., 1977, с. 3—6, 238—248; 2) Литературный облик польского барокко и проблемы изучения древнерусской литературы. — В кн.: Славянское барокко, с. 89—98.

Ряд статей был посвящен сопоставлению польского и русского театров, польской и русской драматургии. В общем, теоретическом плане этот вопрос был рассмотрен Б. И. Росточким.¹¹⁷ Л. А. Софронова проследила реализацию принципов барокко в русской и польской драматургии XVII—XVIII веков.¹¹⁸ Зрелищность, «театральность» спектаклей, характерные для барокко, были, по ее мнению, полностью присущи театрам Петровского времени. С. И. Николаев установил польский источник русской драмы «Дафна» (1709).¹¹⁹ Переведенное с польского в конце XVII—начале XVIII века стихотворное сочинение «Златое иго супружества» издал А. М. Панченко.¹²⁰

Русско-чешским связям посвящена работа А. С. Мыльникова, рассказывающая о деятельности русских переводчиков в Праге в 1716—1721 годах.¹²¹

Русско-югославянским литературным связям посвящена работа Малика Мулича.¹²² Он публикует два рукописных стихотворных произведения, посвященных Петру I. Одно из них — анонимное «Песан цару Петру», найденное в тетрадке сербского монаха из монастыря Кркип, а другое — латинская «Анаграмма» хорвата Павла Риттера-Витезовича и ее славянский перевод. В центре

¹¹⁷ Росточкий Б. И. Создание национального театра как элемент формирования культуры славянских народов. — В кн.: Славянские культуры, с. 242—247.

¹¹⁸ Софронова Л. А. 1) Театр и театральность в польской и русской культуре XVII—первой половины XVIII века. — Советское славяноведение, 1978, № 2, с. 72—82; 2) Некоторые черты художественной природы польского и русского театров XVII—XVIII вв. — В кн.: Славянское барокко, с. 171—218; 3) Поэтика славянского театра XVII—первой половины XVIII вв. Польша, Украина, Россия, М., 1981.

¹¹⁹ Николаев С. И. 1) Поэма С. Твардовского «Dafnis w drzewo bobkowe przemieñiela się» в русском переводе начала XVIII в. (из истории польско-русских литературных связей). — Вестник Ленингр. гос. ун-та, 1977, № 8, история, язык, литература, вып. 2, с. 90—94; 2) Страничка из истории польско-русских литературных связей (судьба перевода «Дафны» С. Твардовского). — Русская литература, 1977, № 4, с. 117—122.

¹²⁰ Панченко А. М. «Златое иго супружества» и его источник. — ТОДРЛ, т. XXXIII, с. 308—337.

¹²¹ Мыльников А. С. Русские переводчики в Праге. 1716—1721 гг. — В кн.: XVIII век, сб. 9, с. 279—288.

¹²² Мулич М. Два рукописных стихотворных произведения южных славян, посвященных Петру I. — В кн.: XVIII век, сб. 9, с. 299—304.

внимания М. П. Чигринского¹²³ две оды дубровницких поэтов Игнатия Градича «Северное пламя» (1710) и Степо Русича «Петар Алексеевич» (1711) и ода анонимного автора «Всеобщее счастье: обет Петра Великого, царя русского». В центре барочных произведений — образ Петра I, в них много аллегорий, имеющих целью показать, что победы Петра над Швецией и Турцией равнозначны торжеству сил добра над силами зла.

Русско-немецкие литературные связи Петровской эпохи после работ П. Н. Беркова¹²⁴ изучались Х. Грасхофом.¹²⁵ Ученый из ГДР отмечает и комментирует все факты откликов в Германии на события культурной и литературной жизни России в первой четверти XVIII века (см. с. 41—115 указ. книги). О гастролях труппы И. К. Эккенберга в России в 1719—1722 годах сообщила Л. Титова.¹²⁶

Русско-английские литературные связи Петровской эпохи нашли отражение в работе Ю. Д. Левина «Английский журнал „Московит“ (1714)».¹²⁷ Она посвя-

¹²³ Чигринский М. П. К вопросу о русско-дубровницких историко-литературных связях эпохи барокко. Дубровницкие поэты о России и Петре I. — В кн.: Славянское барокко, с. 219—230.

¹²⁴ См.: Берков P. N. Literarische Wechselbeziehungen zwischen Russland und Westeuropa im 18 Jahrhundert. Berlin, 1968. Ср.: В и т е р Э. П. Н. Берков и «Материалы и исследования по истории Восточной Европы». — В кн.: XVIII век, сб. 10, с. 49—53. Посмертно сборники работ П. Н. Беркова о взаимоотношениях России с Западом выходили в свет в 1973 году в Англии (см.: Берков P. N. Literary contacts between Russia and the West since the Fourteenth century. Collected studies. Preface by Todor Borov. London, 1973 (Variorum reprint), а в 1981 году — в нашей стране (см.: Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур. Статьи. Л., 1981).

¹²⁵ Grasshoff H. Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. Die Propagierung russischer Literatur im 18 Jahrhundert durch deutsche Schriftsteller und Publizisten. Berlin, 1973. См. рец.: Гольдберг А. Л. Русская литература в освещении немецкой печати XVIII века. — Русская литература, 1975, № 2, с. 233—236; Ср.: Грасгоф Г. Русская культура и немецкая общественная мысль XVIII в. — В кн.: Славянские культуры, с. 331—334.

¹²⁶ Титова Л. Из истории театральной жизни в эпоху Петра I. — Советское славяноведение, 1972, № 5, с. 53—59.

¹²⁷ В кн.: Восприятие русской культуры на Западе. Очерки. Л., 1975, с. 7—31.

щена восприятию России и событий русской истории в английской литературе первой четверти XVIII века. Это и панегирическая поэма Аарона Хилла о Петре I «Северная Звезда» (1718), и вымышленные беседы рассказчика с молодым «москвитом» Плеско, касающиеся вопросов современной политики, общественной жизни, воспитания и т. п. в Англии и в России. Последние и были напечатаны в еженедельнике Сэмюэла Бакли «Москвит», издававшемся в Лондоне с 5 мая по 2 июня 1714 года. Вопросы русско-английских культурных и литературных связей этого же периода рассматриваются в ряде работ английских историков М. С. Андерсона,¹²⁸ Э. Д. Симмонса,¹²⁹ А. Кросса,¹³⁰ М. Окенфус-

---

¹²⁸ Anderson M. S. Britain's discovery of Russia. 1553—1815. London—New York, 1958.

¹²⁹ Simmons E. J. English literature and culture in Russia (1553—1840). 2-nd ed. New York, 1964.

¹³⁰ Russia under western eyes. 1517—1825. Ed. with an introduction by A. Cross. London, 1971; Cross A. Anglo-Russian relations in the Eighteenth century. Exhibition devised and Catalogue compiled by Anthony Cross. 5—29 July 1977. Library concourse. University of East Anglia.

са,¹³¹ а также в капитальном труде академика М. П. Алексеева «Русская культура и Англия».¹³²

Процесс изучения литературы Петровской эпохи в настоящее время продолжается весьма интенсивно и плодотворно. Открываются все новые и новые рукописные тексты литературных произведений, выходят в свет публикации новых, до толе неизвестных текстов. Наши представления об историко-литературном процессе первой четверти XVIII века уточняются, способствуя более глубокому и историко-культурному обоснованному представлению о его характере, движущих силах и конечных целях движения. Еще не вся литература Петровской эпохи поддается описанию как определенная система литературных родов и жанров, находящихся в состоянии подвижного равновесия. Но уже проступают контуры будущей литературы нового времени, у истоков которой стоял Петр I.

Norwich. Ср.: Левин Ю. Д. Русские в Британии XVIII века. — Русская литература, 1981, № 4, с. 237—241.

¹³¹ Okenfuss M. J. Russian students in Europe in the Age of Peter the Great. — In: The Eighteenth century in Russia, p. 131—145.

¹³² Лит. наследство, т. 92 (в печати).